

Игорь Кабаретье

---

*Мемуары  
рижской  
куртизанки*



# **Игорь Кабаретье**

# **Мемуары рижской куртизанки**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=27056581](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27056581)*  
*ISBN 9785448586545*

## **Аннотация**

Действие повести разворачивается в Риге середины 18 века и ведётся от имени ушедшей на «покой» в достаточно юном возрасте куртизанки Лаймы фон Зеедорф, которая, появившись на свет в бедной семье в Рижском предместье, за короткий срок сумела сколотить изрядное состояние, позволяющее ей вести безбедное существование. Лайма, излагая историю своей жизни, пытается оградить молодых девушек от повторения своих ошибок.

# Содержание

Лайма	5
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# **Мемуары рижской куртизанки**

**Игорь Кабаретье**

© Игорь Кабаретье, 2017

ISBN 978-5-4485-8654-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Лайма

По мотивам, которые читатель поймёт в конце этого повествования, я, баронесса Лайма фон Зеедорф, решилась обнажить перед ним свою душу и описать свой жизненный путь. Надеюсь, что он будет и интересен, и поучителен.

Не по причине своего тщеславия, и ещё менее из скромности, я предаю сейчас гласности,ставляю на всеобщее обозрение те роли, которые мне пришлось сыграть во времена моей юности. Моя главная цель состоит в том, чтобы уязвить, если это возможно, самолюбие тех, кто сделал своё состояние путями, не слишком расхожими с моим, и дать публике яркое свидетельство моего признания того факта, что всё, чем я обладаю сейчас – это лишь благодаря вашей доброте и великодушию.

Я родилась в Лифляндской губернии, на улице Акменю в Риге, и лишь благодаря тайному союзу честного отставного солдата и портнихи я обязана моим существованием на белом свете. Моя мать, приличная лентяйка, рано обучила меня искусству чинить и приводить в порядок подержанную одежду, выдавая её за новую, чтобы самой пораньше бросить эту работу и переложить на меня все свои профессиональные обязанности, вместе, естественно, со всеми тяготами и невзгодами этого ремесла. Едва я достигла своего шестнадцатилетия, как она тотчас же надумала уступить мне

свою повозку для транспортировки товара через Наплавной мост в Вецригу, равно как и всю свою практику на вполне коммерческих, а не родственных, условиях, и мне приходилось каждый день давать моей мамочке отчёт о моей прибыли вместе с приличной её частью. Оказалось, что я вполне соответствую её ожиданиям, и вскоре я стала настоящей жемчужиной среди всех швей в Вецриге. Я не ограничивала мои таланты только перелицовкой старых брюк, ловко управляясь и с более сложными предметами гардероба, да плюс к тому прелестная физиономия, которой меня одарила природа – всё это сделало меня самой лучшей и желанной швеёй в квартале. В окрестностях не было ни одного человека, который не хотел бы воспользоваться моими услугами, так что моя тележка буквально отполировала все улицы Вецриги, а я стала завсегдатаем всех её шикарных домов. Именно в столь приличном обществе я и получила первые уроки воспитания и обходительности, которые потом значительно усовершенствовала в разных местах, где мне впоследствии довелось оказаться.

Моя родня передала мне не только с кровью, но и своими достойными примерами из жизни столь большую склонность к чувственным и развратным удовольствиям, что я просто умирала от желания отправиться по их стопам и испытать присущую им страсть к совокуплению. Следует обратить ваше внимание на то, что в силу нашего достаточно скудного достатка, правда, достаточно типичного в сре-

де нам подобных, кунгс<sup>1</sup> Аматниекс (это был мой отец), моя мать и я, одним словом все мы втроём занимали на четвёртом этаже меблированного дома только одну комнату с мебелью, состоящей из двух стульев, старого шкафа, и большого гадкого убогого брачного ложа без штор, империала<sup>2</sup>, где мы были вынуждены спать все вместе, втроём.

По мере того, как я подрастала, сон мой становился всё более чутким, и я внимательнее прислушивалась и присматривалась к действиям моих компаньонов по кровати. Иногда, случалось, они раскачивали её в такт своим любовным упражнениям, да настоль сильно, что гибкость нашего дешёвого ложа вынуждала меня следовать за всеми их движениями. Частенько при этом мои родители исторгали из себя глубокие вздохи, перемежая их произнесёнными тихими и хриплыми голосами столь нежными словами, какие только могла им предложить их страсть. Всё это страшно волновало мой разум, неутолимый огонь полыхал во мне, я задыхалась, была вне себя от взрывавших моё тело неведомых ему ранее чувств, и помутнение моего рассудка доходило до того, что я уже была способна весьма охотно сразиться с моей матерью за место, которое она занимала рядом со мной, настоль я завидовала наслаждению, которое она испытывала

---

<sup>1</sup> Kungs (латыш.) Кунгс, обращение к мужчине в Латвии, аналогичное принятому в России «господин».

<sup>2</sup> Империа́л- (второй этаж в дилижансах, омнибусах, пристройка в комнате под потолком и т. п.)

в это время. Но что я могла сделать в подобной ситуации? Прибегнуть к любовным утехам в одиночестве? Да, может быть, ведь возбуждение пронизывало меня до дрожи в кончиках пальцев, но, увы! В реальности, у меня не было никакой возможности снять это напряжение, ведь всё, что я могла предпринять в этой ситуации, можно было смело назвать лишь детской игрой юной девушки! И не сомневайтесь, что я лишь бессмысленно изнуряла себя бездействием, а от этого только излишне нервничала... и всё было напрасно... я лишь становилась более горячей и нервной штучкой. Я лишалась чувств от бешенства моей киски, что жила у меня между ног, любви и желаний... одним словом, все боги Лампсака<sup>3</sup> поселились в моём теле. Ничего не скажешь, прекрасный темперамент для девушки в возрасте шестнадцати лет! Но, как говорят добрые люди, хорошие собаки всегда достойны своих предков.

Легко понять, что страсть и томление плотским грехом, ненароком взращённые моими родителями, настолько покорили моё тело, что я стала серьёзно подумывать о том, чтобы найти какого-нибудь доброго друга, который бы смог погасить, или, по крайней мере, хоть немного утолить невыносимую жажду тела, иссушавшую меня.

---

<sup>3</sup> Город, основанный фокейцами, в котором жил Эпикур, был знаменит развратом, процветавшим среди жителей города. Они возвели в божество символ фаллоса.





Среди многочисленной челяди домов, что я посещала по своим торговым и швейным делам, все отдавали мне дань уважения и внимания, но я выделила среди них одного моло-

дого, высокого и хорошо сложенного конюха, который оказался мне достойным моего внимания. Он отвечивал в мой адрес бесконечные комплименты, клялся, что ещё ни разу не потрепал по бокам своих лошадей, не подумав при этом обо мне, на что я ответила ему, что ещё ни разу не чинила брюк, чтобы при этом ко мне в голову рысью не нахлынули мысли о Гунтисе (так звали этого конюха). Мы вполне серьёзно и бесконечно одаривали друг друга милыми шутками и достаточно сомнительными, как я теперь понимаю, комплиментами, элегантных оборотов которых я сейчас уже не припоминаю достаточно хорошо, чтобы повторить их моему читателю. Достаточно того, чтобы вы знали, что Гунтис и я – мы вскоре обо всём договорились, и несколько дней спустя скрепили нашу связь большой печатью Китиры<sup>4</sup> в маленьком златном кабачке на левом берегу Даугавы. Место, избранное для жертвоприношения, являло собой небольшой зальчик, украшенный столом, установленным на двух парах гнилых козел, и расставленными по краям полудюжиной разномастных стульев. Стены были украшены большим количеством непристойных иероглифов, которые с распутной любовью и прекрасным юмором обычно рисуют угольками в таких заведениях их весёлые посетители. И наш пир соответствовал, в лучшем случае, неприязнительности этого алтаря любви.

---

<sup>4</sup> Китира – остров в Эгейском море, один из главных культовых центров богини Афродиты.

Итак, на столе стоял один штоф пива за восемь копеек, два сыра, и такое же количество хлеба... признайтесь, совсем неплохо для того, кто зарабатывал всего двенадцать копеек. Тем не менее, мы совершали нашу службу с таким благоговением, как будто только что заплатили по золотому рублю у Екабсона, трактирщика мэрии. И не стоит удивляться этому. Даже самые грубые блюда, если они приправлены любовью, всегда прелестны.

Наконец, мы дошли до заключительной стадии нашего ритуала. Затруднение состояло в том, что нам предстояло поначалу обустроить наше ложе, священное любовное ристалище, на котором мне предстояло лишиться невинности. Мы с Гунтисом пришли к выводу, со смехом и поцелуями, что нам следует проявить осторожность и не доверяться ни столу, ни стульям, а посему решили совершить сакральный акт стоя, ибо эта поза показалась нам самой безопасной в таких суровых условиях. И вот, свершилось! Гунтис меня буквально пригвоздил к стене, но пока что только своим великолепным торсом, не более того. Ах! Великий и могущественный бог садов<sup>5</sup>! Я была испугана, увидев размеры оружия, которым меня должны были поразить. Боже, какие толчки! Какие атаки! Расшатанная перегородка стонала под этим необыкновенным напором, а я страдала одновременно от невыноси-

---

<sup>5</sup> В греческой мифологии, Приап – бог плодородия, защитник садов и стад. Считается, что у Приапа был гигантский и всегда возбуждённый пенис, и эта особенность дала своё имя медицинскому термину priapisme.

мой боли и пожирающей меня страсти, которую эта боль вызывала. Между тем, я изошрялась изо всех моих сил, не желая, чтобы меня упрекнули в том, что мой бедный конюх не получит ничего, кроме усталости после столь усердной работы. Как бы там ни было, несмотря на наше терпение и мужество, необходимо признаться... мы достигли очень посредственных результатов, и я уже начинала огорчаться, что мы не сможем достойно увенчать наше рукотворное произведение, когда вдруг заметила, что Гунтис поднёс руку к своему рту и смочил слюной свой поразивший меня своими размерами инструмент. О, Мать природа, твои тайны восхитительны! Моё убежище сладострастия приоткрылось, и невероятная по размерам огнедышащая головка, венчающая произведение искусства, торчащее между ног Гунтиса, которым Бог так щедро его одарил, проникла в него. Что я ещё могу добавить к этому? Я была прекрасно, должным образом, дефлорирована, и с этого самого времени стала спать спокойно, ведь теперь уже иные эротические сновидения руководили моим отдыхом. Кунгс и кундзе Аматниеки напрасно старались, продавливая постель в своих любовных шалостях, я их более не слышала. Должна сказать вам, что наша не совсем невинная связь с конюхом длилась приблизительно год. Я обожала Гунтиса, а Гунтис боготворил меня. Это был совершенный телом юноша, которого вы не смогли бы упрекнуть ни в одном физическом изъяне, и всё бы ничего, если бы только Гунтис, обладая телом Аполлона, не был бы

при этом нищим, игроком и пьяницей, и поскольку между друзьями любые увлечения должны быть общими, а богатый должен помогать бедному, я была вынуждена всё чаще поддерживать этого шалопаю в его расходах. Как говорится в половице, любой конюх обдерёт тебя своей скребницей, даже если будет иметь дело с королевой.

Этот парень быстро съел все мои запасы, включая даже повозку, хотя моя мать уже давно заметила приближение краха моей коммерческой деятельности, и устраивала мне по этому поводу ежедневные разносы. И вот однажды утром она узнала, что я окончательно обанкротилась, после чего, связав меня во время моего сладкого и безмятежного сна, вооружилась палкой и хорошенько отдубасила, залив кровью мои упругие ягодички, прежде чем я смогла освободиться от мерзких пут. Господи, какое унижение для взрослой и красивой девушки, вроде меня, выдержать подобное бичевание! Но эта показная порка неожиданно зародила во мне мысль покинуть родительский дом и испытать себя в самостоятельной жизни, так что, не долго думая и пользуясь благоприятным моментом, пока моя матушка, утомлённая обязанностями палача, вышла из комнаты, я наспех оделась в мой самый лучший воскресный наряд, и, сказав вечное прощай этому дому и кундзе<sup>6</sup> Аматнице, моей матери, наудачу отправилась, куда глаза глядят, и эта самая большая удача в моей жизни привела меня в парк Аркадия. Поначалу

---

<sup>6</sup> Kundze – госпожа (латыш). Обращение к замужней женщине.

я обошла почти весь сад, не задумываясь о том, что я делаю и какова цель этих моих бессмысленных блужданий. Наконец, я присела на террасу у летнего театра. Прошла примерно четверть часа, и вот одна госпожа невысокого росточка, одетая довольно чисто, и благопристойного вида, неожиданно присела рядом со мной. Мы поприветствовали друг друга и завязали разговор на общие для всех людей темы, которые хотят поболтать, хотя, на самом деле, им не о чём говорить друг с другом, и, конечно, мы начали с погоды.

– Сегодня в Риге довольно тепло для этого времени года, – мягким голосом произнесла эта милая дама.

– Даже чрезмерно тепло, кундзе.

– К счастью, в парке намного больше воздуха, чем в городе.

– Да, кундзе, совершенно верно.

– О, яункундзе<sup>7</sup>, если бы вы знали, сколько завтра в это время народу соберётся в Дуббельне<sup>8</sup>, если погода вдруг не испортится! Хотя, для нашего прибалтийского климата это не станет новостью!

– Безусловно, кундзе, но я думаю, что будет тепло и народу соберется на променад довольно много.

– Но, яункундзе, чем больше я вас рассматриваю, тем больше мне кажется, что я с вами уже встречалась. Не имела ли я удовольствие вас видеть в Либаве?

---

<sup>7</sup> Jaunkundze (латыш.) – яункундзе – незамужняя девушка в Латвии.

<sup>8</sup> Поселок в городе Юрмала, в настоящее время называется Дубулты.

– Нет, кундзе, я никогда не покидала Ригу.

– В действительности, яункундзе, вы столь походите на одну молодую особу, которую я знала в Либаве, что вполне могла вас принять за неё. Впрочем, сходство это не должно вам причинить никаких неудобств... она – одна из наиболее обходительных и благовоспитанных девушек, что мне приходилось когда-либо повстречать.

– Вы очень любезны, кундзе, но я знаю, что я отнюдь не столь благовоспитанна, как это необходимо в наше время, и эти ваши слова и лестная оценка – лишь результат вашей доброты. Но как бы мне хотелось оправдать ваши тёплые слова обо мне... что мне сделать в жизни, чтобы ваши комплименты стали правдой? – Произнося эти последние фразы, у меня из груди выскользнул горестный вздох, и я не смогла сдержаться от того, чтобы не уронить несколько слезинок на свои раскрасневшиеся щёчки.

– Ах! Что случилось, моё дорогое дитя, – воскликнула эта добрая кундзе ласковым тоном, нежно сжимая мою руку, – вы плачете? Что вас огорчает? Вас посетила чья-то немилость? Поделитесь со мной вашим горем, мой маленький цыплёнок, не опасайтесь мне открыть ваше сердце и полностью положитесь на нежность моего. Будьте уверены, что я готова вам служить во всём, что будет зависеть от меня. Давайте, пойдём со мной, мой ангел, в конец террасы, позавтракаем у кундзе Лиелмане<sup>9</sup>, там вы мне расскажете о пред-

---

<sup>9</sup> Кундзе Лиелмане держала популярное кафе в парке Аркадия.

мете вашей скорби, и может быть, я для вас окажусь гораздо полезнее, чем вы думаете.

Я не заставила себя просить дважды, поскольку не успела позавтракать из-за известных моему читателю обстоятельств, приключившихся со мной в то утро, и последовала за моей доброй феей, не сомневаясь, что само Небо послало мне эту даму, чтобы помочь разумным советом и не дать мне сгинуть на Рижской мостовой. После того, как мой желудок с удовольствием посетили две чашки кофе с молоком и пара хлебцев с подсолённым творогом, я простодушно призналась этой славной госпоже в моём происхождении и моей профессии, но, впрочем, я, конечно, не была до конца искренна с ней. Я полагала, что следовало осторожно переложить вину за случившееся на мою мать, всячески обелив свои поступки. Поэтому я обрисовала кундзе Аматниенце в самом невыгодном свете, дабы оправдать решение, которое я приняла.

– Дева Мария! – Воскликнула эта милосердная незнакомка, – это же самое настоящее убийство, заставить такого прелестного ребёнка, как вы, работать в таких условиях. Осудить маленькую прелестную девушку на такую каторгу... круглый год... и в стужу и в дождь, в жару и холод, скрючившись, тащить по Риге тяжёлую повозку, чинить одежду и обувать всяких мелких людишек! Нет, моя маленькая принцесса, вы рождены не для подобной профессии, и было бы бесполезно от вас скрывать, что когда на нашей брэн-



ной земле рождаются люди, настоль красивые, как вы, им ничего не стоит достичь в этом мире всего, чего они достойны, и я вам ручаюсь, что если вы позволите мне руководить вами и вашими поступками, то...

– Ах! Как вы добры, кундзе, – воскликнула я, – скажите, что нужно от меня, что необходимо мне для этого сделать? Помогите мне вашими советами... я исполню всё, что вы мне скажете.

– Итак, – продолжила она, – если вы не против, и это ваше окончательное решение, моё дитя, то отныне мы будем жить вместе. У меня уже есть четыре пансионерки в моём доме, и вы станете пятой.

– Что?! Кундзе, – быстро ответила я, – уж не забыли ли Вы, что я сейчас буквально нищая, и у меня нет возможности заплатить вам ни одной копейки в счёт первого взноса за пансион?

– Пусть это вас совершенно не беспокоит, – ответила эта фея из парка Аркадия, – всё то, что я у вас попрошу в настоящее время, это... покорность. Впрочем, я вас сразу же привлеку к одной маленькой коммерции, которую мы ведём, и я вам обещаю, что если это понравится Богу, до конца месяца вы будете в состоянии не только удовлетворить меня, но ещё и оплатить ваше содержание... да и заработаете себе на пирожные «вещрига», которые вам так понравились сейчас в этом милом заведении.

Ещё немного, и я бросилась бы с её ногам, чтобы оро-

сидеть их моими слезами, ведь мне не терпелось присоединиться к этому блаженному обществу избранных богом существ и поселиться в этом раю. Благодаря моей путеводной звезде моё ожидание счастливой жизни оказалось невероятно коротким, ведь на часах пробило полдень, когда мы вышли из ворот парка Аркадия. Как мне показалось, нас уже ждала у арки карета, упряжка которой лёгкой благородной рысью по Наплавному мосту быстро доставила нас к одному отдельно стоящему дому прямо напротив церкви святого Петра.

Он располагался между площадью и садом, что, на мой неискушённый взгляд, делало жизнь его обитателей чрезвычайно приятной и удобной, и я уже мысленно благословляла то скандальное утро, когда была безжалостно выпорота своей матерью. Меня первым делом ввели в большой зал, довольно неплохо меблированный, и вскоре его заполнили мои будущие подруги. Их кокетливые и галантные манеры, лёгкое неглиже, решительный и уверенный вид поначалу смутили меня до такой степени, что я не осмеливалась поднять глаза от пола, и только и делала, что заикалась, пытаясь ответить на их комплименты, которыми они довольно-таки неожиданно осыпали меня. Моя благодетельница заподозрила, что это простота моего костюма могла быть причиной такого моего смущения, и пообещала мне, что вскоре я буду украшена не хуже, чем эти девушки. Я же, казалось, действительно, была сильно унижена, увидев себя в платье гризет-

ки<sup>10</sup> среди девушек, у которых даже обыкновенное домашнее платье было сделано из самых красивых тканей, доставленных в Ригу из Индии и Франции. Но была и ещё одна вещь, которая пронзала моё любопытство и немного беспокоила. Мне хотелось узнать природу коммерции, к которой меня собирались привлечь. Справлюсь ли я? Хотелось бы в это верить, ведь роскошь моих будущих подруг меня удивляла. Я не могла понять, как они могли осилить подобные расходы, ведь я, ещё раз признаюсь вам, была в то время столь темной, в смысле воспитания и образования, личностью, затюканной своей предыдущей жизнью, или, скорее, происходящее со мной с утра было столь необычно и ново для меня, что самостоятельно разгадать эту шараду я была не в состоянии. Между тем, в то время, как я пыталась распалить своё воображение, чтобы попытаться решить эту так называемую загадку, подали суп, и мы сели за стол. Кушанье было довольно неплохим, и для его приготовления были использованы, судя по аромату, дорогие пряности, которые, вкупе с хорошим настроением пансионарок, пробудили во мне зверский аппетит. Обед плавно продвигался в направлении десерта, всё было прекрасно и благостно вплоть до того момента, пока две из сидящих за столом девушек вдруг не стали предъявлять друг другу претензии в неумеренном потреб-

---

<sup>10</sup> Гризетка – так называли молодых девушек низкого сословия (швея, мастерица и т. п.) из-за того, что они обычно носили платья серого цвета, сделанные из дешёвой ткани. У гризеток в мире была репутация девушек лёгкого поведения.

лении пищи, в результате чего талия одной из них немного округлилась. Внезапно одна из них нанесла удар кулаком по физиономии другой, на что та сразу же ответила ударом тарелкой по голове своей обидчицы. Моментально стол вместе со всеми блюдами, рагу и соусами оказался опрокинут на пол. Это было объявление войны, и обе мои героини бросились друг на друга с одинаково бешеной яростью. Шейные платки, эскофьоны<sup>11</sup>, манжеты – все эти атрибуты женской красоты за одну минуту превратились в ошмётки. И тут в бой решительно выдвинулась тяжёлая конница в лице нашей хозяйки, попытавшейся своей властью прекратить боевые действия. Однако, она не прибегла к ухищрениям ораторского искусства, а мгновенно представила вместо этого на наш суд доказательства своего выдающегося умения в героическом искусстве кулачного боя, сходу поставив одной из воюющих сторон апостроф на глазу. Между тем, две другие участницы обеда, доселе хранившие нейтралитет, решили, что негоже им далее оставаться в качестве праздно любопытствующих наблюдательниц, и необходимо, чтобы потасовка выглядела красивее и стала общим делом, в то время я, как и любая трусиха, укрылась в углу зала, где спокойно пережидала, по-

---

<sup>11</sup> Эскофьон (франц. *escoffion* из итал. *Cofia*-сетка, капот, кожух, от греч. *Skourphia*, или *скуфья* по-русски) – женский головной убор эпохи итальянского возрождения. Тонкая сетка из золотых или серебряных нитей с жемчугом, покрывающая причёску (равно как и диадема, стемма, стефанос, тения, трессуар, фероньерка, шкофия). В конце XVII-ого века перестал быть привилегией высшего общества.

ка продолжалась эта драка... или битва. Это был устрашающий и, одновременно, бурлескный спектакль. Доводилось ли вам видеть сразу пять растрёпанных созданий, опрокидывающих друг друга наземь, катающихся друг на друге, кусающих друг друга, царапающихся, наносящих направо и налево удары ногами и кулаками. Сражение, казалось, никогда не закончится, как вдруг появился гризон<sup>12</sup>, громогласно сообщивший о прибытии немецкого барона.

Известно, каким магическим эффектом обладает слово «господин», а ещё больше французское «милорд», или «барон» на любую девушку в мире, в том числе и на прибалтийских красавиц, так что при малейшем упоминании слова «барон» любой акт враждебности немедленно сходит на нет, и женщины-воительницы моментально разошлись в разные стороны. Каждая из них тут же стала наспех чинить обломки своего туалета, быстро вытирать лицо, подкрашивать губки, подводить глаза, так что эти, ещё минуту назад решительные, безумные и безобразные физиономии быстро восстановили свою мягкость и естественную безмятежность. Хозяйка дома сразу же вышла прочь, чтобы развлечь господина барона, а девушки бабочками разлетелись по своим комнатам, дабы окончательно привести себя в порядок.

---

<sup>12</sup> Гризон – слуга, одетый в костюм серого цвета, без ливреи.



Более просвещённый и умудрённый опытом читатель давно уже, в отличие от меня, конечно догадался, в какой дом я попала, и таким образом, чтобы расставить точки над «і»,

и больше не повторяться, следует только сообщить, что наша хозяйка была одной из самых лучших в своей профессии, и звали её кундзе Юревича. Когда она узнала, что о якобы визите господина барона сообщили только для того, чтобы прекратить бессмысленное сражение между девицами, она произнесла с довольной миной на лице, довольно чувственно целуя меня в губы,

– Милочка, не подумайте плохо о нас в связи с этой маленькой ссорой, свидетелем которой вы невольно только что стали. Небольшое оживление в нашем замкнутом мире иногда вызывают незначительные детали, но вы должны понимать, что такие мелочи одновременно и успокаивают нас. И затем... каждая из нас более или менее чувствительна, как эмоционально, так и физически, и это вполне естественно. Впрочем, когда вы поближе узнаете моих девушек, то будете очарованы мягкостью их характера, поймёте, что встретили на своём пути наилучшие сердца нашего сурового мира. Их гнев тотчас же гаснет, как и мгновением ранее зажжённая спичка, всё забывается ровно за одну минуту. Что касается меня, то слава богу, я не знаю, что это такое злопамятность, у меня желчи не более, чем у голубя. Но несчастье постигнет того, кто желает мне зла, поскольку я сама никому не хочу плохого. Ладно, давайте оставим эти речи в прошлом, и поговорим о вас. Кем бы ты ни была, моя дорогая девочка, печальный опыт жизни в нашем мире утверждает, что без денег у тебя не будет счастья. Нет денег, гласит пословица, нет

и Швейцарии. Можно также сказать, что если нет денег, то нет ни удовольствия, ни гармонии в жизни. Итак, всё в жизни устроено достаточно просто. Заруби себе на носу, что невозможно жить в гармонии и любви без денег, и не признавать этого, значит обманывать себя. И ты совершишь большую глупость, если откажешься от моего предложения, которое позволит тебе обеспечить себя достаточным количеством денег, чтобы жить, получая удовольствие от жизни, а не прозябать в нищете. Тем более, уверена, что ты в состоянии это сделать. Не всем дана Богом такая возможность. И главное, пойми, что средства, которые ты будешь использовать для этого, не вредят обществу, так как иначе это было бы зло... а Бог нас хранит потому, что мы его не творим и не принимаем. Да, да, конечно, это так, моё дитя, Бог нас хранит, и у меня чистая совесть в этом отношении, я абсолютно спокойна, будучи уверена, что меня никто и никогда не сможет упрекнуть в том, что я причинила кому-нибудь ущерб своими действиями. Кроме того, как известно, главный принцип жизни состоит в том, чтобы всё время продвигаться вперёд, и не запрещено нашим обществом зарабатывать на жизнь так или иначе, ведь профессия не так важна, как важно то, чтобы ты была в ней лучшей. Тебя же природа щедро одарила для того, чтобы ты стала одной из лучших среди равных тебе по красоте женщин... хотя и распутниц и сладострастниц, доставляющих удовольствие мужчинам. Разве Бог напрасно создал тебя такой красивой? Ты должна дарить людям свои



прелести, получая за это соответствующее вознаграждение, и я тебя многому научу, но ты должна слушаться меня, иначе не станешь лучшей, несмотря на свои щедрые задатки. Я знаю многих девушек в нашем мире, одарённых намного меньшими прелестями, чем у тебя, но которые сумели познать тайну, как заработать хорошие ренты на всю оставшуюся жизнь! Клянусь, не бахвалясь понапрасну, что я могу тебе сказать, поверь мне на слово, что я нищая по сравнению с ними. Но Бог не любит неблагодарных. Никогда не забывай меня, и то, что я уже сделала и сделаю для тебя, и ещё, напоследок, запомни наше главное правило – нельзя, чтобы тебе надоело доставлять удовольствие.

– Ах! Моя госпожа, – живо ответила я ей, – надеюсь, что у вас никогда не будет повода пожаловаться на мою неблагодарность.

– Давайте пока оставим эту фразу без ответа, – возразила она, – я часто слышала подобные слова а потом все персоны, из уст которых они вылетали, напрочь забывали о произнесённом когда-то. Почести и слава зачастую меняют натуру. Если бы вы знали, дорогуша, сколько девушек, восседающих сегодня в ложах Рижской Оперы, и воспитанием которых я когда-то занималась, делают теперь вид, что не знают меня, вы были бы вынуждены произнести банальную фразу, смысл которой состоит в том, что признание – это мужество, которого больше почти не существует в наш век. Но как бы там ни было, всегда хорошо иметь в запасе людей, которые те-

бе обязаны. Кстати, моя маленькая кошечка<sup>13</sup>, а она, несомненно, у тебя прекрасна... я в этом абсолютно уверена... была ли она обязана когда-нибудь своим теперешним блеском и упругостью?

– Нет, только моим заботам, кундзе, – ответила я ей, – и посмотрите на меня, разве я могу притворяться? И кого я могла бы обязать сохранить мою красоту в таких ужасных условиях, в которых жила до сих пор?

– Вы меня не слышите, – продолжила моя кундзе, – и я понимаю, что мне необходимо спросить вас более вразумительно и прямо. Итак, вы ещё сохранили вашу девственность?

От этого неожиданного вопроса я густо покраснела и выглядела, со стороны, по-видимому, немного смущённой.

– А я прекрасно вижу, – торжественно произнесла кундзе Юревича, – что у вас её больше нет. Ладно, не переживайте, это абсолютно неважно, если вы находитесь под моим покровительством... у меня есть чудесные мази, и я вам сделаю совсем новую девственную плеву, ничуть не хуже бездарно вами потерянной. Однако, было бы хорошо, чтобы вы узнали с моей помощью порядок вещей, принятых в моем доме. Итак, вы должны пройти одну обязательную церемонию, которая, уверяю, не должна стать для вас наказанием. Все девушки, которые предназначаются для услады мужчин выс-

---

<sup>13</sup> Chatte – фр. кошка, но также во Франции таким образом зачастую называют женский половой орган. Кундзе Юревича, устроившая в своём доме порядок на французский манер, частенько употребляла в своих речах французские словечки.

шего света, подвергаются подобному экзамену. Вы прекрасно понимаете, что продавец обязан знать всё о своём товаре.

Пока я выслушивала эту проповедь, кундзе Юревича, даже не спрашивая моего разрешения, уже успела, вполне неожиданно для меня, задрать подол моего платья выше бёдер и, покрутив мой стан вокруг оси, осмотрела со всех сторон. Ничто не ускользнуло от её опытного взгляда эксперта и, как я поняла по ласковым движениям её пальцев, большого ценителя женского тела.

– Хорошо, – вымолвила, наконец, она, – я довольна. Ущерб, который тебе сегодня нанесли до сих пор... – при этих словах кундзе Юревича ласково, и даже с некоторым вожделением погладила меня по моей упругой попке, – не столь велик, и мы легко всё исправим. У Вас, милостью Божьей, одно из самых красивых тел, которые я когда-либо видела, и из которого вы сможете извлечь большие преимущества в будущем. Между тем, недостаточно быть красивой, следует быть ещё и внимательной к себе. Одно из правил нашей профессии – не экономить на губках и полотенцах. И внешний вид... вам ещё предстоит научиться выглядеть достойно и соблазнительно в любом обществе. Идите сюда, я вам кое-что покажу, пока у нас ещё есть время. Тотчас же она меня ввела в маленький гардероб и заставила сесть сверху на биде, дав мне первый урок чистоты. Мы использовали остаток дня в бесконечном познании других мелочей, мало существенных, чтобы на них останавливаться более по-

дробно. На следующий день меня переодели с головы до ног, как и обещали. Представьте себе, у меня появилось платье из цветной розовой тафты, украшенное воланами, с нижней юбкой из муслина, и часами Пинчбек<sup>14</sup> в поясе. Я буквально взорвалась от счастья, восхищаясь этим новым нарядом, и почувствовала первые льстивые уколы тщеславия, смотря на себя в зеркало с уважением и восхищением.

Надо отдать должное кундзе Юревича. Она была одной из наиболее талантливых аббатис Китиры<sup>15</sup> во всём, что касалось как порядка в её доме свиданий, так и мелких деталей быта и обслуживания клиентов. Наша хозяйка заботилась обо всём, ведь помимо пансионеров, которые всегда находились в доме, чтобы не быть застигнутыми врасплох внезапным визитом, когда требовалось быстро обслужить одновременно нескольких клиентов, у неё также были резервные тела в городе для всяких чрезвычайных случаев. И это ещё не все...! Кундзе Юревича держала так же магазин, в котором у придиричивых дам была возможность приобрести всевозможные платья невероятных расцветок и любых размеров, которые она, кроме остальных клиентов, продавала за хорошие деньги всем своим бедным новообращённым девушкам, таким, как я, и это была довольно значительная

---

<sup>14</sup> Пинчбек (pinchbeek), или английское золото – сплав меди и цинка (с 83—93% меди), созданный лондонским часовщиком Христофором Пинчбеком. Применяется для изготовления общедоступных украшений, бижутерии, окладов.

<sup>15</sup> Так называли в то время хозяек публичных домов.

прибавка к её гонорарам.

Кундзе Юревича, опасаясь, как бы я не потеряла даром свой товарный вид невинной девушки, сразу же предупредила своих наилучших клиентов о ценной находке, которую она неожиданно сделала в нашем небольшом городе. Посредством столь разумной предосторожности, как мне, так и моей хозяйке не пришлось долго изнемогать в ожидании ценителей моего якобы девственного тела, так что кунгс Нейландс, президент судебной палаты, весьма пунктуальный при подобных вызовах, прибыл точно в назначенное время, в семь часов вечера, как раз тогда, когда я только что закончила мой туалет. Я увидела манерного мужчину посредственного телосложения, одетого во всё чёрное, на длинных худых ногах, прямого и неловкого. На его голове, которая, казалось, поворачивалась только вместе с телом, был водружён парик с крупными буклями, посыпанный пудрой, словно перхотью, излишек которой обильно покрывал три четверти его одежды. Добавьте к этому, что он обильно источал запах мускуса, заставляющий многих людей падать в обморок, и вы поймёте, что я подумала, увидев этого господина... для начала моей карьеры этот господин показался мне не самым лучшим вариантом.

– Ах! На этот раз кундзе Юревича, а проще сказать, ведь давность нашего знакомства позволяет мне сделать это, моя милая Гундега, – воскликнул судья, бросая на меня томный взгляд, – моим глазам явилось то, что называется истинной

красотой, прелестью, божеством. Говорю тебе совершенно искренне, что ты сегодня превзошла себя. Серьёзно... эта яункундзе восхитительна... да, несомненно, сто пик плюс к портрету, который ты мне дала. Клянусь честью, это – истинный ангел. Я тебе говорю правду... слово судьи... я восхищён. Но, ты же знаешь, как у нас говорят – видишь красивое тело, не тяни, и поцелуй его. Даже теряюсь, с чего мне следует начать, с какой его совершенной части.

Кундзе Юревича, до той поры следовавшая за нами по пятам, поняла, что с этого момента её присутствие стало излишним, и незаметно исчезла, оставив нас с судьёй наедине. Тотчас же господин президент, не нарушая величественность своего одеяния, уложил меня на диван, и повторно внимательно осмотрел меня, задержав свой взор на некоторых частях моего тела, и ощупывая мои наиболее тайные прелести, и уверяю моего читателя, эта инспекция сильно отличалась от того, к чему я привыкла на своих свиданиях с Гунтисом.

Мне рекомендовали быть любезной с клиентами... и я была таковой... и даже чересчур. Судья делал со мной то, что делают друг с другом только распутные существа, как мне, не слишком умудрённой в любовных утехах персоне казалось до сих пор. Кроме того, благодаря ухищрениям кундзе Юревича я потеряла с этим судьёй мою вторую девственность. Grimасы, посещавшие моё лицо во время этой не совсем натуральной, по известным вам причинам, операции, я

сопровождала некими криками и стонами, которые должны были разъяснить господину президенту-судье, что девушка, лишаящаяся благодаря его мужественности своей девственности, никак не может разделить с ним его удовольствие. Правда, следует заметить, что для того, чтобы меня вознаграждать и заставить забыть о мнимых страданиях, судья вложил в мою руку два альбертовых талера<sup>16</sup>.

– Это, – сказал он, – в высшем обществе обозначается, как суперогасьон<sup>17</sup>... только не рассказывайте об этом кундзе Юревича. Я оплачу вашей хозяйке всё, кроме этого, всё, о чём мы предварительно договаривались, и для неё, и для вас! До свидания, моя маленькая королева, но позвольте... на прощание... я прежде ещё раз поцелую эту прелестную ямочку... да, и надеюсь, что мы снова увидимся в один из ближайших дней. Да, мы обязательно снова увидимся... я слишком доволен вами и вашими хорошими манерами.

И в тоже самое время он вышел из моей комнаты мелкими поспешными шажками, заставляя посвистывать суставы своих не сгибающихся коленей. Этот экземпляр мужчины, что только что побывал у меня, в моей комнате, удивил меня

---

<sup>16</sup> Альбертов талер или альбертинер – род монеты, служившей средством платежа с 1598 г. и получившей название по имени эрцгерцога Альберта. Герцог курляндские чеканили её как обычную монету и она была самой употребительной денежной единицей в русских остзейских провинциях.

<sup>17</sup> Суперогасьон – от латинского *supererogatio* («акт дарения лишнего»), даётся за то, что было сделано хорошо, но не было предусмотрено обязательствами. Судья использует профессиональный жаргон.

до такой степени, что я не и знала, что думать об этом виде человеческих особей. Я полагала, что или господин президент ошибся, или это было такая манера людей определённого сорта братья за дело таким образом, или – новейшая рижская мода, – говорила я сама себе, – и тогда следует попытаться стать такой же модной штучкой, чтобы пользоваться успехом у таких господ. Мне сейчас кажется, что я не была более деликатной, чем любая другая якобы девственница, что встречались до сих пор на пути моего не самого любезного судьи, но мне случайно удалось попасть в модный рижский тренд, бомонд, и хотя бы за это я должна благодарить моего судью. Любые испытания на всякий вкус немного суровы, но в первом перенесённом мной опыте рижской куртизанки не было ничего особенного, чему мне пришлось бы усердно учиться, ведь у господина судьи мужское достоинство было отнюдь не такое большое и длинное, как у Гунтиса, а я уже научилась к тому времени доставлять этому конюху удовольствие, хотя, между тем, как вам уже известно, в первый раз при дефлорации этот процесс прошёл для меня не без труда, так что я была поглощена этими интересными мыслями и размышлениями, когда в мою комнату возвратилась кундзе Юревича.

– Итак! – Сказала мне моя хозяйка, плотоядно потирая руки, – не правда ли, что господин президент – любезный человек? Он вам, несомненно, подарил что-нибудь?

– Нет, кундзе, – ничтоже сумняшеся ответила я. – Этот



господин мне сказал, что рассчитается с Вами, и мою долю тоже отдаст вам.

– Хорошо, держи, – высокопарно произнесла она, переходя на обращение «ты» – вот альбертинер, который твой первый клиент поручил мне тебе вручить. Я, между тем, продолжаю надеяться, что это было не единственное проявление его великодушия, так как мне показалось, что господин судья крайне удовлетворён тобой и твоими навыками. Впрочем, моё дорогое дитя, не следует полагать, что твоя практика всегда будет также хороша в постели и непременно оплачена столь же щедро. Ты должна знать, что в любом виде торговли бывает и прибыль и убытки, хорошее вознаграждение частенько преследует и плохое. Но кто не торгует, тот и не выигрывает. И следует помнить, что и с нашей прибылью необходимо оплачивать всевозможные издержки..., а ещё случаются ненужные мимолётные увлечения, и если бы не это, мы давно бы уже жили в Швейцарии или в Южной Америке. Но, прояви терпение... скоро в Риге начнётся ассамблея католического духовенства, и без излишней похвальбы скажу тебе, что ты сама увидишь, как потечёт в моё заведение золотая река денежек, и бурный ручеек из неё, поверь мне, вольётся и в твой сладкий гротик. Мой дом пользуется отличной репутацией в городе, и у духовенства в том числе. Если бы у меня было столько же тысяч альбертинеров, как у посещавших мой дом прелатов и аббатов вместе взятых, я была бы уже русской царицей. В конце концов, было бы ошибкой, если бы

ты подумала, что я жалуюсь. Я имею, слава богу, где и на что жить, и вполне могу обойтись тем, что уже заработала, вполне могу себе позволить больше ничего не делать и отдыхать в Юрмале. Впрочем, я уже давно поняла, что в жизни всегда нужно иметь занятие, ибо ещё древние мудрецы изрекли, что праздность – мать всех недостатков. Если бы каждый индивид в нашем мире был занят, никто не думал бы о том, чтобы творить гадости.

Итак, в то время, как кундзе Юревича так пафосно декламировала мне эту сентенциозную и скучную речь, я не прекращала демонстративно зевать, и она, наконец, заметив это, отправилась прочь из моей комнаты, порекомендовав мне напоследок, кроме всего прочего, совершить перед сном церемонию омовения в биде. И всё же, я не могу сдержаться и напоследок не отдать дань уважения кундзе Юревича, которая научила меня многим вещам, которые должны знать, в том числе, и честные женщины, а не только такие, как я. Именно ей я обязана знакомству со столь полезной мебелью, как биде, и ещё за необычайное количество других прелестных открытий из сферы уборных комнат, обеспечивающих женщинам комфортную жизнь, и за чудесный вкус в искусстве понимать привлекательность природы, а также невидимых на первый взгляд недостатков лица и тела, которые необходимо исправить, и за умение это сделать. Всё это я изучила в доме у кундзе Юревича, в всё это, уверяю вас, могло бы пригодиться всем добрым и честным женщинам

Риги, у которых всегда, что там греха таить, имеется свой тайник пороков, ведь не стоит притворяться и скрывать даже от самой себя, что в каждой из женщин, даже самых добродетельных на вид, скрывается и живёт несколько струнок от шлюхи, которые могут в любой момент сыграть сладострастную мелодию, и им бы не помешало освоить несколько приёмов из нашей практики. Бог его знает, может быть тогда многие семьи в нашем греховном мире были бы намного счастливее. Но, всё-таки, я не уверена, что смогло бы это отступление от темы повернуть мысли моего читателя во славу нашего тела в другую, менее эротичную тему... не знаю! Итак, я возобновляю изложение моей истории!

Кундзе Юревича, которая произнесла только что столь красноречивую и пламенную речь против праздности и лени, не оставила мне времени на то, чтобы в моей голове задержались дурные мысли, и буквально через несколько минут она вновь внезапно появилась перед моими глазами.

– Моё маленькое сердечко, – ласково произнесла она, – у меня совершенно не было намерения надоедать тебе вновь так рано, но все ваши подруги уже заняты с толпой кирасир, нагрянувших с утра в наш славный дом, так что я испытываю угрызения совести, намереваясь тебя представить одному особенному клиенту, потому что он мало платит, но я не имею намерения, между тем, использовать тебя бесплатно. Не беспокойся, хочу тебе заметить, что это старая практика, и этот клиент ходит в мой дом постоянно и часто, при-

нося мне стабильно два альбертинера в неделю, так что я не хотела бы его не обижать. Итак, что ты об этом думаешь? Мне кажется, не следует презирать эти, на первый взгляд небольшие деньги, которые приносит этот индивид, и главным образом ещё и потому, что пока что вы ещё не так много заработали.

– Не столь уж мало, как вы думаете, кундзе, – ответила я ей, – и если бы вы испытали то, что я испытала только что, и то, что я вытерпела (я не сдержалась и произнесла это таким жестоким тоном, поскольку чувствовала себя в тот момент чрезвычайно истерзанной, как будто мне ободрали кожу в самых нежных местах моего тела), вы разговаривали бы со мной немного иначе.

– О! – Прервала меня кундзе Гундега, – Поверь мне, мир состоит не только из таких суровых людей, как господин судья. Тот, кого я тебе предлагаю на этот раз, напротив, очень любезен, и вся твоя работа будет состоять в простой, немного фривольной игривости, и ничего более. Я тебе гарантирую, что ласки твоего нового клиента не будут ни длинны, ни утомительны, и на этом дело будет закончено.

Кундзе Юревича, получив, наконец, моё согласие, представила меня самой неприятной, отталкивающей личности, которую я когда-либо в своей жизни видела. Представьте себе нечёсаную квадратную голову на плечах портового грузчика, безумные и жестокие глаза под кустистыми бровями, широкий тройной подбородок, висящий над толстым брю-

хом в форме груши, поддерживаемый двумя крупными изогнутыми рогом ногами, оканчивающимися ступнями в форме гусиной лапы. Все эти части тела, объединённые в точно отведённые им места, в целом составляли довольно-таки мерзкий портрет этого финансового любимчика кундзе Юревича, и я была так удивлена при виде этого типа, что не заметила внезапного исчезновения нашей матери, настоятельницы любимого пока мной монастыря весёлых и любезных девушек.

– Итак! – Произнёс денежный друг моей хозяйки резким тоном, – мы что, находимся здесь только для того, чтобы сидеть сложа руки, и глазеть на меня, словно на рождественскую ёлку? Чего ты там торчишь, в углу этой дурацкой комнаты, словно жердь в хлеву. Давай, давай, иди сюда, черт возьми, приблизься уже, наконец-то, ко мне. У меня нет досуга оставаться весь день в созерцании твоей тощей фигуры, меня ждут на нашей ассамблее мясников. Быстро отправляйся ко мне, и займись своим делом. Итак, куда вдруг пропали ваши руки? Возьмись, наконец уже, за мой член. Ты что, хочешь его ласкать одной левой рукой?! Господи, да сожми же, наконец, свои пальцы. Двигай рукой. Вот так. А теперь немного сильнее! Остановись. А сейчас быстрее. А теперь спокойнее. Ну же, сожми головку. Да. Вот тут!

Когда это приятное для него упражнение было с успехом завершено, к обоюдному для нас удовольствию, этот продавец говядины бросил мне на кровать пару альбертинов,

и побежал прочь с таким жаром, как будто убегал от своих кредиторов.

Сегодня, когда я размышляю о жестоких и странных испытаниях, которым подвергаются девушки, совращённые в тяжкие времена некими якобы сердобольными личностями, я понимаю, что они не думают о грядущих потрясениях, когда соглашаются на эту работу. Только представьте себе, в каких отталкивающих и ужасных условиях они живут, и я из этого перечня не исключаю как ни жизнь каторжника, так и придворного герцогского двора. Действительно, что может быть более невыносимым, чем обязанность потакать капризам первого встречного в замке, ведь вы обязаны улыбаться любому наглецу, повстречавшемуся на вашем пути, которого вы презираете в душе... одним словом, ваша судьба – быть вечно покрытой не самой приличной маской, и окружающие вас люди никогда не будут лучшими представителями человечества! Пусть те, кто воображает, что наша жизнь соткана из удовольствий, поймут, насколько они ошибаются! И даже презренные рабы, живущие при большом дворе в качестве шутов или кухарок, не терпят и половины горечи и оскорблений, неотделимых от нашего, якобы превосходного ежедневного состояния. Я не пытаюсь создать перед вами впечатление, что наши страдания похвальны, и получаемое нами вознаграждение заменит нам покаяние в этом мире. Нет, поверьте, какие бы истории про нас не сочиняли, среди нас нет тех, кто достоин был бы занять место в мартирологе, и никто

и никогда не будет канонизирован. Всё, что ждёт нас в конце нашей проституции, это, как ни странно, конец презрению, унижениям и оскорблениям... наша, в конце концов, справедливая зарплата. Всем, кто нам завидует, следует побывать в шкуре шлюхи, чтобы задуматься обо всех ужасах нашей профессии. Но я не знала страха, не дрожала от ужаса, вспоминая годы юности и ученичества, а между тем, какую жалкую жизнь я влачила тогда! Теперь же я веду жизнь, которая в наши времена считается триумфальной. У меня позолоченный экипаж, особняк, украшенный прелестными полотнами голландских и фламандских живописцев, мебель, лакированная Мартаном<sup>18</sup>, такая, как я говорю, которая со всех сторон кричит о возмутительной роскоши, о необычайно извращённом и гнусном вкусе её владельцам и, наконец, титул баронессы. Но кто из окружающих знает, кому и чем обязана хозяйка всего этого, как ей досталось это богатство? Кто сможет предположить, что владелица этого рая драгоценных вещей была в своё время печальным предметом грязных сделок с человеческим телом одной из самых нечистоплотных негодяек Риги. Кто бы мог подумать, в какой разгул ударяются люди в бреду своих страстей. Мне приходилось бить других и получать оплеухи самой в самые интимные части тела, содомизироваться, подвергаться наказаниям ради сладострастия других. Вы, должно быть, без сомнения, удивле-

---

<sup>18</sup> Робер Мартан, оформитель мебели, карет, панели, названный в 1733 году лакировщиком короля Франции.

ны, зачем всё это терпеть девушке, если всё так отвратительно, но не забывайте об обратной стороне медали, ведь поддерживать подобный образ жизни нас заставляет настигший нас, поселившийся внутри души вкус к распутству, скупость, лень и надежда на счастливое будущее!

В течение приблизительно четырёх месяцев, пока я жила у кундзе Юревича, могу похвастаться вам тем, что прошла полный курс лекций о нюансах профессии шлюхи, и поэтому, когда я покинула эту превосходную школу, у меня уже было достаточно опыта, чтобы угодить в искусстве сладострастия любому распутнику в мире, и мои знания и физические возможности не знали никаких преград на пути как к сердцу, так и к любой другой части тела мужчин.





Но однажды одно маленькое приключение переполнило чашу моего терпения и заставило меня принять ещё одно важное решение в жизни – уйти от кундзе Юревича и от-

правиться в самостоятельное плавание. Итак, вот, что случилось. Однажды в нашем милом доме случился визит почти полуэскадрона гусар из Санкт-Петербурга, очень бойких, резвых, но не слишком богатых. Вместо того, чтобы принести себя в жертву старому сатиру Силену<sup>19</sup>, Бог внушил им глупую фантазию отдать дань Венере, богине любви и красоты. К несчастью, в доме кундзе Юревича мы в тот момент были только вдвоём с моей больной подругой, которая перед этим выпила какой-то отвар для того, чтобы сбить температуру, и который, к сожалению, этот самый болезненный жар её тела не успокоил, а наоборот привёл её в состояние полной бесполезности, невозможности к употреблению этого тела бойкими армейскими господами, так что я, волей обстоятельств, оказалась одна против этой гвардии отборных жеребцов. Совершенно безуспешно я твердила им о полной невозможности удовлетворить в одиночку такую большую кампанию, но всё было напрасно и, волей-неволей, мне пришлось им дать то, чего они так желали. Мне пришлось испытать тридцать яростных атак и штурмов моего тела в течение двух часов, и это было ужасно, хотя некоторые набожные католички, вероятно скажут, что хотели бы оказаться на моём месте, перенеся это испытание во имя спасения своей души и во имя господ Бога нашего! Что касается меня, то я весьма хилая грешница, и признаюсь, была далека от того, чтобы

---

<sup>19</sup> Силен – наставник юного бога Диониса, открывший ему тайны природы и научивший его изготовлению вина.

терпеть и благословлять штурмующих моё тело вояк, так что продолжала осыпать их всеми вообразимыми в нашем мире проклятиями, пока длилась эта мерзкая сцена, несмотря на то, что эти самые ругательства, не вполне приличные, их только ещё больше заводили. В сущности, это было действительно уже чересчур, и я была настолько, в буквальном смысле, насыщена, образно говоря, удовольствиями и вполне материальными проявлениями этого самого наслаждения, с избытком изливавшегося в меня из этих жеребцов в человеческом облике, так что у меня был вид женщины, серьёзно страдающей несварением желудка, поэтому после этого сурового испытания кундзе Юревича прекрасно поняла, что бесполезно пытаться задерживать меня в своём доме, и поэтому она согласилась на мои условия ухода из её вертепа, условившись предоставлять мне комнату в нём, если мне это вдруг потребуется. В результате, мы с ней тепло расстались, проникшись уважением друг к другу, и я тут же, на накопленные мной деньги, купила немного хорошей мебели и обставила ей маленькую квартиру на улице Кемереяс, думая, что там я смогу избежать полицейского надзора и спокойно продолжить свою карьеру девушки, ублажающей мужчин, но уже индивидуально, ни с кем не делясь своими доходами. Но что значит человеческая осторожность, когда судьба ополчилась против вас! Завистливая клевета явилась ко мне в гости, чтобы разрушить мир моего одиночества и погубить все мои проекты в тот самый момент, когда я была меньше

ВСЕГО К ЭТОМУ ГОТОВА.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.